

Лучшие романы об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Ментовский
крюк

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Ментовский крюк
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9923664

*Ментовский крюк / Николай Леонов, Алексей Макеев: Эксмо; Москва;
2015*

ISBN 978-5-699-80145-9

Аннотация

Жуткое дело... На складе мясного концерна «Аргонавт» обнаружен труп. Сам основатель концерна Фердыщенко, один из крупнейших бизнесменов страны, влиятельный политик и чуть ли не друг самого президента, был повешен на стальной крюк для туш. Расследование преступления поручается лучшим сыскарям из МУРа – полковникам Гурову и Крячко. Первоначальная версия, что это – дело рук конкурентов, сразу отпадает. Один за другим начинают погибать свидетели, которые могли бы пролить свет на это темное дело. Вскоре угроза смерти нависает и над самими сыщиками...

Содержание

1	5
2	11
3	24
4	36
5	56
6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Николай Леонов, Алексей Макеев Ментовский крюк

© Леонова О.М., 2014

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*** * ***

– Ну и тухлятина, однако!

Очки в тонкой оправе и борода придавали человеку, который это произнес, интеллигентный вид.

Впрочем, он тут же разрушил это впечатление, завершив фразу отборным трехэтажным матом. Да и если приглядеться, борода выглядела клочковатой и неопрятной, передние зубы щербатились через один, а оправа очков местами была прихвачена тонкой медной проволокой и изоляционной лентой. Если человек и являлся когда-то интеллигентом, то очень давно, в прошлой своей жизни.

Его спутник с пропитым лицом, в телогрейке и засаленной солдатской шапке, с татуировкой «Толян» на левой кисти, согласился:

– И не говори, Иннокентий. Знатно воняет, прямо как в планетарии.

– Почему в планетарии? – удивился бывший интеллигент Иннокентий.

Толян сдвинул шапку на затылок и охотно пояснил:

– А это когда мы с двоюродным братаном, Костиком, значит, в город приехали. В детстве. Типа – за тетрадками по чисто, блин, писанию, ну и глобус СССР для седьмого класса где-нибудь шпионерить. Ну, приехали. Пообедать надо? Взяли ноль-семь «Красного крепкого», а выжрать культур-

но негде. Тут глядим – планетария стоит. Большая! Кумпол и все такое – красота. Мы – не дураки – туда. В ней же темно, как у негра в жопе! Пока народ на звезды таращится, запросто можно ноль-семь из горла уговорить. Как говорится, культурно выжрать. И подремать спокойно. Вселенная опять же тут перед тобой. Далекие мироздания, блин, а не хрен собачий! В общем, сам понимаешь, не каждый день такой праздник выпадает. А как только свет погас, Костян и давай сапоги сымать. Чтобы, значит, портянки малехо проветрить. Ну, в смысле гигиены. Тут амбре и поперла. А народ нервный какой-то попался. Давай шуметь, орать. Ну, блин, ни хера культуры нет. Весь праздник от встречи с Вселенной нам, козлы, испортили. Потом пришел мент и нас взашей выгнал. И, главное, полпузыря еще было недопито, так он, сука легавая, отобрал!

Эта беседа проходила в большом темном помещении склада-холодильника № 13 мясокомбината «Агронавт». Темном, потому что свет на складе почему-то не горел. Не работали и холодильники. Труженики склада обнаружили это только что, когда проснулись и пришли в себя.

Состояние у обоих было – не позавидуешь. Голова трещала, как у какого-нибудь профессора после расшифровки египетских иероглифов. В горле драло так, будто кто-то крупной наждачкой прошелся. И с памятью что-то не то... Нет, то, что пить начали в канун праздника армии и флота, 23 февраля, коллеги помнили точно. Но вот какое число бы-

ло сегодня, могли только предполагать. Причем весьма приблизительно.

Склад-холодильник № 13 находился на отшибе, за городом. Завозили сюда в основном пересортицу и некондицию. А вспоминали о ней, только когда комбинату грозило невыполнение плана, обычно раз в квартал.

Иннокентий и Толян были единственными сотрудниками склада № 13. Они являлись специалистами самого широкого профиля – и кладовщиками, и сторожами, и рабочими. И несли за свое хозяйство полную материальную ответственность.

Некоторое время оба стояли молча перед раскрытой дверью холодильной камеры, привыкали к вони, посвечивая в темноту фонариками и оценивая в уме размер катастрофы. Поскольку головы у обоих трещали, размер в уме не укладывался.

Первым обрел дар речи Толян. Он в ярости ударил кулаком по дверному косяку и возмущенно воскликнул:

– Да это же диверсия, гадам буду! Это все Гербер, сучонок волосатый, журналист гребаный! Хиппи-вредитель! А ты думал, с какой радости он нас на халяву водкой поил? Наверняка какой-нибудь дряни в ханку подмешал, чтобы мы подольше в отрубе провалялись.

Бывший интеллигент Иннокентий тяжело вздохнул.

– Да хоть бы и диверсия... Ты хоть знаешь, сколько мы с тобой в отключке пробыли? Не знаешь. Вот и я не знаю.

Может, день, а может, неделю.

— И не говори, капитально отдохнули, — с грустью согласился Толян. — Думаю, с неделю, никак не меньше. Гляди, во что мясо превратилось! Чисто — паштет из дерьма. За день-два так не сгниет.

Иннокентий не то вздохнул, не то взрыдал.

— Теперь эту гниль отсюда на горбу вывозить придется! Хорошо, если Семеныч не заставит из своего кармана убытки оплачивать. Толян, пройди в конец, глянь, что там творится. Небось все потекло.

Толян с обреченным видом направился в глубину склада. Он старательно уклонялся от контакта с подгнившими тушами, но все равно в самом скором времени его телогрейка оказалась вымазана разлагающимися отходами.

До Иннокентия доносились монотонные всхлипы напарника, перемежаемые матерной руганью. Неожиданно его однообразный монолог прервался громким восклицанием:

— Мать моя родина! Да это же Фердыщенко!

Иннокентий рванул в глубь холодильника. Он расталкивал локтями осклизлые вонючие туши, пока не замер рядом с Толяном. В свете фонариков перед двумя пропойцами предстала жуткая картина.

В дальнем углу склада, высоко под потолком, задрав голову, висел человек. Он висел на стальном крюке, одном из тех, к которым подвешивают говяжьи туши, пронзенный под нижнюю челюсть. Человек этот был хорошо известен

любому из сотрудников «Агронавта». При жизни его звали Петром Фердыщенко.

Для комбината Фердыщенко был отец родной, царь и бог в одном флаконе, хотя сам на комбинате не работал. Жил он в Москве и относился к категории, которую снизу принято именовать коротким, но емким словом «власть». Каждый его приезд в город становился большим событием. Кем он был – то ли депутатом, то ли министром, то ли еще кем-то там наверху, – люди толком не знали, да и не интересовались. Говорили про него, что в Кремль как к себе домой ходит и двери ногами открывает. И вот, на тебе – висит. Такой важный и могущественный человек, а болтается на крюке, как какая-нибудь свиная или коровья туша под потолком склада-холодильника № 13. Да еще и подгнить угораздило.

– Ну, теперь начнется, – протянул Иннокентий. – Надо в ментовку двигать.

Толян в растерянности крутил головой.

– А может, того, не надо в ментовку? Они же нас сразу в камеру упакуют. Может, нашим кому скажем? Семенычу...

Иннокентий зло осклабился и кивнул на висящий труп.

– Это ты его убил?

Толян замахал руками:

– Охренел, что ли? Мы же с тобой вместе квасили, вместе и в отрубях валялись.

– И не я. – Тут Иннокентий понизил голос: – Не ты и не я, но, рупь за сто, это сделал кто-то из наших. Не чужой же его

сюда приволок. Почему ты знаешь, может, его сам Семеныч и грохнул, а потом к нам сюда спрятал? А мы именно к нему и сунемся. Убийца-то, козе понятно, на оттепель не рассчитывал. Думал – повисит бедолага в холодке, проморозится, а потом он эту мороженку отвезет и втихаря закопает. А тут мы с новостью: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!» И что он сделает? А вот что: постарается повесить нас на соседние крючки. Убийце терять нечего. За Фердыщенко-ва ему пожизненное вломят – это как пить дать. А то и до суда не доведут, придушат прямо в камере. Так что ты, Толя, иди куда хочешь, ищи на свою жопу приключений, а я к ментам. Лучше на нарах париться, чем на крючке прохлаждаться.

Толян выслушал длинную тираду молча, потом почесал то, что в народе именуют репой, и признался:

– Да, Иннокентий, не зря ты в институте пять лет на заднице мозоли натирал. Чайник у тебя варит. Ладно, пошли в ментовку сдаваться. Ясный пень, в камеру нас закроют, никакого базара. Но тут, куда ни кинь, всюду жопа.

Неожиданно с той стороны, где находилась дверь в холодильник, послышался шум, а следом осторожные шаги. Первым сориентировался Толян. Он выключил свой фонарь и зашипел на Иннокентия:

– Свет гаси!

Тот вздрогнул и последовал его примеру. Оба затаили дыхание. Шаги приближались.

Високосный год, как ему и полагается, удивлял разнообразием. Январь порадовал весенней оттепелью, в начале февраля зима спохватилась, и ударили трескучие морозы. К концу месяца снова потеплело. В последний день зимы, 29 февраля, полковник Гуров явился на работу, по обыкновению, рано.

На улице мело и лило одновременно. С кожного долгополого реглана полковника водопадами низвергались потоки дождевой воды и растаявшего снега, словно на него выпала месячная норма осадков. Причем всего за несколько минут – только машину закрыл да успел добежать до дверей родной конторы.

Выходя из лифта, Гуров увидел впереди спину друга и соратника, Станислава Крячко. Тот уже скрывался за дверью их с Гуровым общего служебного кабинета. Гуров поспешил за ним. Толкнув дверь кабинета, он вздрогнул от жуткого крика.

Это был крик и стон одновременно, что-то вроде «Ын-з-з-з!». Так кричит-стонет птица-подранок, когда обнаруживает, что у нее украли яйца. Гуров распахнул дверь и замер на пороге.

Кричал-стонал Стас. Взрослый, приличный мужчина и образцовый семьянин, полковник Крячко. Старший опер

по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел.

Судя по поверхностному осмотру, яиц у полковника никто не крал. Он тяжелой глыбой нависал над подоконником, где в щербатом пластмассовом горшке торчал корявый желтый огурец с колючками. Постепенно к полковнику Крячко вернулся дар членораздельной речи.

– Кто это сделал?! – воззвал он так громко, что гулкое эхо вылетело в коридор, отдалось в дальнем его конце и вернулось обратно. – Какой м...к полил Федю?!

Гуров у него за спиной страдальчески сморщился. Он знал, что Федя – больное место Стаса.

Федей звался тот самый кривой сморщенный огурец с колючками, вернее – кактус. Станислав уверял, что это кактус очень редкой породы. Знаменита эта порода была тем, что регулярно, раз в два года, на кактусе должен был распускаться цветок неземной красоты.

Стас нарек кактус Федей, холил, лелеял, менял ему режим света и температуры, сыпал какие-то особые подкормки и удобрения. И все напрасно. Гуров соседствовал с Федей больше десяти лет и печально констатировал – за все это время нерадивое растение не то что цветами, а даже чахлым стручком не отблагодарило человека за заботу и внимание.

Прошлым летом Стас вычитал в детском журнале для юных ботаников-кактусоводов верный способ заставить кактус цвести – не поливать его с ноября до марта. Ста-

тъя строго-настрого предупреждала: «Хоть раз польете – и не видать вам цветочков». Стас тяжело переносил насилие над зеленым другом, жалел Федю, но крепился. Федя отвечал тем же. Желтел, хирел, но не сдавался.

– Ничего, – ободрял Стас Федю. – Потерпи, скоро будут цветочки!

И вот теперь, когда до марта оставался один день, Федю полили. Все насмарку!

– Так какой м...к полил Федю? – с угрозой повторил Стас свой вопрос и стал медленно оборачиваться.

Гуров был ни при чем, но тут и ему стало не по себе.

– Это я, кх-ммм... – послышался смущенный голос откуда-то слева из угла кабинета. – Простите, я тут зашел... Я не знал, хотел как лучше... Очень уж он желтый...

В кабинете сыщиков стояли три письменных стола. Два под окном: левый – Гурова, правый – Крячко, а третий, ничей, в углу, у стены. «Стол бюрократа». Официальные посетители за этим столом знакомились с документами обвинения, строчили чистосердечные признания и жалобы на сыщиков. На столе любили посидеть неофициальные посетители. Те, которые приходили без конвоя. Смущенный голос донесся до сыщиков как раз с этого углового стола.

Гуров взглянул в угол и сразу узнал говорившего. Это был Бардин, Николай Ильич, не старый еще человек, генерал-полковник, заместитель министра внутренних дел. Бардин курировал уголовный розыск. Он был прекрасным ор-

ганизатором, но в розыскной работе совершенно не разбирался. Правда, в отличие от большинства начальников в дела сыщиков не вмешивался, а к ним самим относился с уважением. Гурову он нравился. Нормальные мужики в любом руководстве – большая редкость.

– Извините, Станислав, – еще более смущенно повторил генерал, потом повернулся к Гурову: – Лев Иванович, я буду у Петра Николаевича. Зайдите, когда... когда сможете. Оба.

И вышел.

– Стас, с тебя причитается. – Гуров с великим трудом сдерживал приступ лошадиного хохота. – Не каждый день выпадает такая удача – покритиковать начальство. Зря ты его так, он же нормальный мужик.

– Да, это точно? Сам признался? – обиженно буркнул Крячко.

Он сейчас жутко злился на себя. Мало того что не сдержался, так еще и при отягчающих обстоятельствах. Выглядел Станислав столь несчастным, что у Гурова пропало желание глумиться и развивать тему. Ну почти пропало. Он подошел к другу и похлопал его по плечу.

– Ты ждал цветочков? Ну, вот и дождался. Скажи Феде спасибо. А теперь на очереди ягодки от генерала. Собери все свое мужество и марш на процедуры. Нас ждут с нетерпением.

– И что мне теперь будет? – едва слышно спросил Стас.

– Можно ожидать высокой правительственной награды, –

обнадежил его Гуров. – Когда все получишь, не забудь сказать спасибо.

Крячко с какой-то вселенской собачьей скорбью, снизу вверх – он был на полголовы ниже Гурова, – посмотрел в глаза другу.

– Лева, ведь он даже отчества моего не знает. А твое знает.

– Завидуешь?

– Нет, и даже не ропшу на судьбу. Но почему этот мир устроен так, что если мы с тобой следим за одним и тем же объектом, то ты, как правило, ведешь наблюдение из-за столика в кафе, а я из мусорного бака? А ведь мы оба полковники. Обидно!

– Не расстраивайся, – успокоил его Гуров. – Право зваться по имени-отчеству я отстоял в тяжелых боях с начальством. Ты тоже хорошо начал. Вот еще разок-другой пошлешь на хер министра или его заместителя, и тебя тоже начнут по отчеству называть.

Крячко горько вздохнул.

– Я серьезно...

Гуров на миг задумался.

– А если серьезно, то, во-первых, я старше тебя на четыре года, во-вторых, выше на десять сантиметров. В-третьих, я прилично одеваюсь. Костюм, галстук, а не джинсовые тряпки, как у некоторых. Ладно, проехали. И, наконец, это ведь ты когда-то работал под моим чутким руководством, а не наоборот. Хватит с тебя аргументов?

Крячко печально усмехнулся.

– Легко обидеть того, кто меньше ростом, и вообще... Если бабы, то все твои, а на меня никто даже и не посмотрит. Хорошо, Лева, цветочки огребли, пошли по ягодицы. Как думаешь, зачем нас вызывают?

Гуров приостановился возле двери и развел руками.

– Ну тебя-то понятно зачем – на клистир. А меня? – Тут он заметил, что Крячко обиженно насупился, поэтому сменил тон: – Ладно, старик, наплюй и не бери в голову. Это все погода виновата. Ставлю мой «Пежо» против твоего «мерина», что где-то на белом свете опять кто-то кого-то убил. Банальная история, известная со времен Каина и Авеля. А поскольку дело наверняка тухлое и за версту воняет, срочно понадобилась пара старых ментов-говновозов. И самые подходящие кандидатуры – это мы с тобой.

– Пари не принято, потому что я и сам так думаю, – проворчал Крячко. – Но я не согласен с твоей характеристикой.

– Что мы говновозы?

– Нет, с тем, что старые.

И они вышли в коридор.

* * *

В генеральский кабинет Станислав шел, уныло глядя в пол. Пол был грязный и истоптанный.

– У нас в управлении что, следотеку решили организовать

и собрать у всех отпечатки обуви? – без особого желания, скорее по привычке, сострил он.

– А ты разве не знаешь, что уборщицу уволили? – удивился Гуров.

– Впервые слышу. А за что?

– Попала под кампанию борьбы с оборотнями, – объяснил Гуров. – Искала в столах сотрудников пустые бутылки, а руководство решило, что секретные документы. Теперь, прежде чем нанять новую, ее проверяют по базам данных на предмет криминальных связей. Может, и наружку следом пускают.

В приемной генерала Орлова их встретила секретарша Верочка.

– Привет, мальчики! Вы видели, что творится на улице?

– Нет, откуда? Мы ночевали у себя в кабинете, прямо на рояле, – буркнул Крячко.

Верочка пропустила его грубость мимо ушей и разохалась:

– Что за жизнь? Погода плохая, личной жизни никакой, денег не хватает...

Гуров принял позу пророка.

– Офелия, ступай в кооператив!

Верочка шуток не понимала.

– Ой, о чем вы, Лев Иванович? Кооперативы давно в прошлом.

– Не верю. За кооперативами будущее, так учил Ленин, –

не сдавался Гуров.

Тут на столе у Верочки загорелся сигнал. Она встала в позу регулировщика и указала на дверь генерала Орлова.

– Господа офицеры, вас ждут!

Полковники постучали и вошли.

Кабинет начальника Главного управления уголовного розыска генерал-лейтенанта Орлова отличался скромностью обстановки. Поэтому среди коллег и подчиненных его считали не то чтобы странным, но каким-то нестандартным. Когда сыщики вошли, он жестом пригласил их садиться и почесал за ухом короткопалой ладонью. Так он поступал, когда был сильно не в духе. В хорошем настроении он обычно тер подбородок. Но Гуров давно не видел его за этим занятием.

Напротив Орлова в кресле расположился генерал Бардин. Он тоже был мрачен и угрюм. И определенно не из-за недавней пламенной тирады Крячко, обращенной по его адресу.

– Что случилось? – Гуров прошел к окну, открыл форточку и по привычке закурил, усевшись на подоконник.

Крячко оседлал один из стульев.

– Я пригласил вас, господа полковники, чтобы сообщить пренеприятное известие, – сказал Орлов. – На нас свалилось тухлое дело. Фердыщенко убит.

Комментариев не требовалось. Последнее время господин Фердыщенко прямо-таки не вылезал из экрана телевизора. Он всеми силами, правдами и неправдами проталкивал идею продовольственной независимости и пищевой безопасности

нашей родины. Фердыщенко не был государственным чиновником, не числился в списках депутатов, но являлся одним из самых влиятельных лоббистов в стране.

Орлов все же осветил ситуацию в общих чертах. Последней затеей погибшего была задача воссоздания в России агропромышленных предприятий-гигантов, подобно тем, что строились в лучшие времена Советского Союза. Ему удалось создать один такой комплекс на базе местного мясокомбината. Нарекли комплекс «Агронавтом». Смысл названия передавал суть проекта – быть аргонавтом-первопроходцем, только на аграрном поприще.

Деятельность «Агронавта» нашла горячую поддержку со стороны «Ассоциации отечественных производителей мясной продукции». Помимо друзей, у «Агронавта» были и враги. Точнее, недоброжелатели. Таковым являлся «Союз импортеров мяса», за которым также стояли весьма влиятельные силы.

– Так вот, братцы, – глядя на сыщиков, подвел итог генерал, – придется вам ехать в город Мясников, разбираться.

– В город кого? – переспросил Крячко. – Каких мясников?

– Наверное, город так называется, – догадался Гуров. – Кино есть такое – «Город Мастеров». А это «Город Мясников». Спасибо, что не «Поселок Ассенизаторов». Ладно, нечего манную кашу по тарелке размазывать. Но если убитый решал проблемы государственной независимости и безопасности, пусть и по части жратвы, то почему дело не забе-

рет себе ФСБ?

Орлов переглянулся с Бардиным, покачал головой.

– Я же говорю – дело тухлое. А у господ из безопасности нюх тонкий и нежный. Боятся испортить.

– А что слышно с места? – поинтересовался Крячко. – Версии какие-нибудь имеются? Или его муж любовницы грохнул, или, как теперь принято говорить, это заказное убийство, связанное с профессиональной деятельностью?

Орлов раскрыл лежавшую перед ним на столе папку.

– Вот материалы предварительного следствия, ознакомьтесь. Это, разумеется, копии, но выносить их из моего кабинета нельзя.

Крячко не удержался и присвистнул:

– Что, неужели так серьезно?

Орлов поморщился.

– Повторяю для тугодумов, дело тухлое. И чем быстрее его закроем, тем меньше оно будет вонять.

Сыщики принялись рассматривать бумаги. Больше всего их, разумеется, заинтересовали фотографии.

– Подвесили как свинью, – констатировал Крячко.

Орлов нахмурился.

– Ты при журналистах так не скажи. Неужели другого сравнения нельзя найти?

Гуров отложил фотографии.

– Почему же? Можно. Я читал, что Гитлер приказал таким же способом повесить адмирала Канариса. Впрочем,

по другой версии, повесили адмирала в железном ошейнике. Полчаса ногами дрыгал.

Бардин тактично не вмешивался в познавательный разговор профессионалов. Он поднялся и вышел из кабинета, но скоро вернулся, причем не один. С ним пришел солидный человек средних лет в хорошем костюме с итальянским шелковым галстуком.

– Знакомьтесь, Альберт Андреевич Мирский, глава «Ассоциации отечественных производителей мясной продукции», – представил он гостя. – Альберт Андреевич много лет работал в контакте с господином Фердыщенко. Более того, убитый представлял в «Агронавте» интересы «Ассоциации». Мы попросили Альберта Андреевича помочь нам в расследовании, и он любезно согласился.

– Неужели он готов написать чистосердечное признание? – не удержался, чтобы не сострить, Крячко.

Орлов снова нахмурился, но промолчал. Бардин на шутку никак не прореагировал и продолжал:

– Мы с Петром Николаевичем пришли к выводу, что в Мясников следует направить полковников Гурова и Крячко. Один поедет в качестве контролера из главка МВД, другой – как уполномоченный представитель «Ассоциации».

– Мясником? – усмехнулся Станислав.

– Именно, – подтвердил Бардин. – И здесь нам не обойтись без помощи Альберта Андреевича. Нашему человеку будут нужны документы, подтверждение полномочий, неко-

которые профессиональные знания. Не исключено, что его будут проверять. От милиции, полагаю, поедет Лев Иванович?

Гуров взглянул на Крячко. По глазам Станислава он понял, что больше всего ему не хочется ехать в город Мясников в качестве «мясника», пусть и с полномочиями от «Ассоциации». То ли дело – контролер из главка МВД. Мечта идиота!

Гуров решил прийти на помощь другу.

– Я не согласен, – твердым голосом заявил он. – Вы посмотрите на Станислава. Его же сразу расшифруют. Какой он, к черту, мясник, да еще уполномоченный? Прости, Стас, но у тебя же будто на лбу написано «ноль-два». Лучше уж пусть он прибудет слегка разбитным милицейским начальничком из столицы. Станет посещать фуршеты, сауны, поднимать шум и отвлекать от меня внимание. Да и с коллегами он сходитя быстрее, чем я. С ним местным ментам будет легче откровенничать. А я могу приехать под любым прикрытием. Хрен кто меня за мента примет. Представлюсь кем угодно: слесарем, адвокатом, школьным учителем, барменом, зубным техником...

– Специалистом по заготовке и хранению мяса, – внес ясность глава «Ассоциации».

Гуров озадаченно почесал кончик носа.

– Честно говоря, ни черта не смыслю ни в заготовке, ни в хранении. А нельзя меня послать, скажем, в качестве юриста от вашей фирмы? – предложил Гуров.

Теперь задумался господин Мирский.

– В конце концов, почему бы и нет? Но, разумеется, юристом по нашему профилю.

– Нет вопросов, что выросло, то выросло, – кивнул Гуров. – Буду юристом по мясному профилю.

Мирский посмотрел на часы.

– Извините, мне пора. Сейчас как раз панихида начнется по господину Фердыщенко. Мне там надо появиться. Кстати, Лев Иванович, вы можете съездить со мной. Если нас увидят вместе, к вам будет меньше вопросов.

Гуров поднялся.

– Я готов.

И посмотрел на Орлова. Тот кивнул в знак согласия. Гуров и Мирский вышли и отправились на официальную панихиду.

По случаю непогоды мероприятие проводилось в просторном вестибюле офисного здания «Ассоциации». Собрание получилось многолюдным. Внимание сыщика привлекла кучка людей, которые держались в стороне от основной группы скорбящих. Глава «Ассоциации» перехватил его заинтересованный взгляд.

– Это как раз те, кто вас интересует, – тихо сообщил полковнику Мирский. – Делегация от «Агронавта», из Мясникова. Директор комбината, сотрудники, мэр города. Вскоре вам придется с ними встретиться.

Собравшимся зачитали телеграммы с соболезнованиями. Затем господин Мирский произнес непродолжительную, но страстную речь о невозполнимости потери и деловых качествах усопшего. Гуров держался у него за спиной, надувал щеки и многозначительно помалкивал, изображая шестерку при большом начальнике.

Отчитавшись, глава «Ассоциации» сослался на занятость, извинился и покинул церемонию. Гуров последовал за ним. В машине господина Мирского словно прорвало. Он принялся с пафосом, словно все еще выступал перед аудиторией, распространяться перед Гуровым о важности работы «Ассоциации». Договорился он до того, что убийство Фердыщенко явилось чуть ли не политическим, при-

званным лишить нашу страну ее свободы и независимости. И главным инструментом этого порабощения и продовольственной оккупации, а следовательно, и заказчиком убийства, выступал, естественно, «Союз импортеров мяса».

– Нет-нет, не спорьте! – с жаром убеждал собеседника Мирский. – Между «Союзом» и нашей «Ассоциацией» – не просто коммерческая конкуренция, нет, это настоящая политическая борьба. Я бы даже сказал – война! Почему вы улыбаетесь? Не согласны?

Гуров действительно не сдержал саркастической улыбки.

– Просто вспомнил кое-что из истории недавней «куриной войны». Очень похоже на вашу борьбу с «Союзом импортеров». Так вот, в эпоху «ножек Буша» килограмм курятины стоил тридцать с чем-то рублей, килограмм бананов – вдвое дешевле. Потом на рынок влезли наши куриные монополисты. Они, как и вы теперь, тоже боролись за свободу и независимость родного потребителя. С тех пор курица подорожала в два, а то и в три раза и многим из этих самых свободных и независимых потребителей стала просто недоступна. А бананы, которые у нас, к счастью, не производятся, почему-то не подорожали. Такая вот странность. Наводит, знаете ли, на размышления. Так что, извините, сочувствия и политической поддержки вы от меня не дождетесь.

Мирский обиженно поджал губы.

– Значит, вы не верите, что убийство было заказано «Союзом импортеров»?

Гуров не стал скрывать зевка.

– Почему же? Я профессионал. Вы изложили одну из версий, и она будет рассмотрена досконально и тщательно. Но, повторяю, как одна из версий. Для выводов у меня пока слишком мало информации.

Он бросил на Мирского цепкий взгляд. Похоже, спесь с главы «Ассоциации» несколько слетела. Теперь он не воспринимал Гурова как дареного цепного пса. И для того чтобы убедить сыщика в своей корпоративной правоте, ему придется всерьез потрудиться. А для начала ответить на несколько вопросов.

– Скажите, Альберт Андреевич, – сыщик взял деловой, но в то же время дружеский тон, – мне показалось, что на похоронах присутствующие выглядели как-то напряженно. Словно чего-то ждали. И не дождались.

Мирский как будто забыл об обиде. Он тоже настроился на деловой лад и отвечал весьма охотно и обстоятельно.

– Вы правы, Лев Иванович. Все ждали разрешения одной старой интриги. Тайны, если угодно. Телеграммы с соболезнованиями от президента. Но она не поступила. Ее не было.

Гуров был слегка озадачен.

– А почему, собственно, президент должен скорбеть?

– Как, разве вы не в курсе? – искренне удивился Мирский. – Нет? Так слушайте! Покойный Фердыщенко имел один неоспоримый талант. Талант к лоббированию. Он был прирожденным пробивашкой. Мог пробить любой проект,

достать что угодно и в нужный срок. В этом ему не было равных. Я боюсь, что его потеря действительно станет для нашего дела невосполнимой. У него везде имелись связи. В комитетах Думы, среди губернаторов, в криминальном мире и даже, говорят, в Кремле. И главной козырной картой в его тонкой игре служила... Неужели вы и правда не знаете?.. Дружба с президентом страны. Да, Лев Иванович, в детстве они были друзьями, и Фердыщенко, по его словам, даже преподавал будущему президенту первые уроки самбо.

– Может быть, дзюдо? – уточнил Гуров.

– Возможно, и дзюдо, я в этих тонкостях не разбираюсь. Не моя, знаете ли, группа товара, – согласился Мирский и продолжал: – На слово ему, конечно, никто не верил, дураков нет. Детей лейтенанта Шмидта сейчас развелось – хоть пруд пруди. Но у Фердыщенкова была фотография! Сам я ее не видел, мне это без надобности, но слышал о ней от некоторых очень авторитетных людей. Там юный Фердыщенко с юным будущим президентом стоят в обнимку. Но у президента, сами понимаете, не пойдешь и не спросишь, с кем он в детстве дружил.

– Не фотомонтаж? – спросил Гуров.

– Исключено. Проверяли, и не раз. Самая настоящая. И вот такой конфуз. Никаких поздравлений... тьфу, я хотел сказать соболезнований от президента. Конечно, роль господина Фердыщенкова в создании «Агронавта» и его вклад в развитие «Ассоциации» трудно переоценить, но если бы он

не был другом президента... — тут Мирский замялся.

— То и подключать к раскрытию его убийства московских сыщиков вовсе не обязательно, — закончил за него Гуров и успокоил: — Давайте не будем спешить. Президент ведь мог и не узнать вовремя о смерти друга. Кроме того, согласитесь, смерть господина Фердыщенко странная и не вполне объяснимая. Как говорится, то ли он, то ли у него... Так может ли государственный деятель высшего уровня подписываться под сомнительными документами? Не будем спешить, подождем результатов расследования. И то, что Фердыщенко похоронили без высочайшей резолюции, еще ни о чем не говорит. Согласны?

— Нет, — вдруг резко ответил Мирский.

— Что «нет»? Не согласны? — удивился сыщик.

— «Нет» — в смысле, Фердыщенко не похоронили. Его кремировали, — глава «Ассоциации» посмотрел на часы. — Восемь минут назад.

Гуров от неожиданности даже свистнул.

— Вот это да! На ровном месте, да мордой об асфальт! Но ведь следствие еще только началось. Собственно, по-настоящему еще и не начиналось. А если понадобится эксгумация? Очень интересно... Знаете, я, пожалуй, сойду. Надо заскочить в контору.

Мирский только руками развел.

— Ну что вы, Лев Иванович! Как можно? Мы вас мигом доставим. А сейчас поговорим серьезно. Мне самому многое

непонятно, в том числе и причина столь поспешной кремации. Поверьте: я не состою ни в каком сговоре, и происходящее в Мясникове меня самого пугает. Но, естественно, у нашей службы безопасности там имеются платные информаторы. С одним из них вы, вероятно, будете тесно сотрудничать. Он работает администратором в отеле, где жил Фердыщенко и где теперь придется жить вам. Постарайтесь встретиться с ним как можно быстрее. Уверен, он может сообщить много интересного.

– Как его фамилия? – спросил полковник.

Мирский извлек из кармана массивный золотой портсигар и пальцем написал что-то на его крышке. Потом он подышал на зеркально гладкую поверхность. На ней, как на запотевшем зеркале, проступила надпись: «Почкин». И снова исчезла. Мирский аккуратно потер портсигар о рукав пиджака и убрал обратно в карман.

Гурова позабавила наивная конспирация главы «Ассоциации», но фамилию информатора-администратора он запомнил.

Прощаясь с Гуровым возле здания министерства на Житной, Мирский махнул своему шоферу. Тот открыл багажник, извлек из него небольшой пластиковый контейнер-холодильник и протянул Гурову. Тот в недоумении взглянул на Мирского. Глава «Ассоциации» усмехнулся:

– Это бонус от фирмы. Познакомьтесь с продукцией «Агронавта». Мясо не замороженное, охлажденное. Мы его са-

молетом доставляем. – На прощание он пожал руку сыщику: – Ну, желаю вам удачи. Будут проблемы, не стесняйтесь, звоните мне лично.

Гуров поднялся в свой кабинет, где нашел Станислава, скучающего в компании кактуса Феди. Он с легким стуком поставил контейнер перед носом Крячко. Тот с удивлением возрился на вошедшего и спросил:

– Это чивой-то?

– Одно из двух: сюрприз или бомба, – ответил Гуров.

– Бомба иногда тоже может стать сюрпризом, – резонно возразил Крячко. – Вскроем?

Гуров кивнул.

– Валяй. А я пока под стол спрячусь.

Но не спрятался, а помог другу отвинтить крышку микророзморозильника. Внутри контейнера действительно лежал изрядный кусок мяса. Крячко внимательно оглядел его.

– Говядина, – определил он. – Мраморная. Кило на пять потянет. Хороший кусочек. И что ты собираешься с ним делать?

Гуров сделал вид, что задумался.

– Одно из трех: съесть, продать или выбросить. Я склоняюсь к первому. И, поскольку Мария на гастролях во Франции, предлагаю: двинем ко мне и жарим.

Крячко покачал головой.

– Такое мясо самому жарить – профанация вкупе с вандализмом. Надо Георгию позвонить. Мы к нему в «Пацху»

летом заходили, помнишь? У него и посидим. Поехали прямо сейчас.

До «Пацхи» они добрались быстро. Когда-то это было обыкновенное кафе-стекляшка. При новой власти его застекленные витрины заложили кирпичом, а снаружи оплели плетнем. Собственно, само слово «пацха» по-русски и означает «плетень».

Хозяин заведения Георгий был когда-то поваром. Теперь он иногда вставал к плите, но только в исключительных случаях. Таких, как сейчас. Открыв контейнер, Георгий зацокал языком от восхищения:

– Вах! Какой мясо! Пэрсик, а не мясо! Сейчас сам займусь. Как прожаривать будем? Такое мясо грех усушивать. Только с кровью!

– С кровью, так с кровью, тебе виднее, – не стал возражать Гуров.

Георгий посадил гостей в дальнем углу, принес глиняный кувшин «Хванчкары» и холодную закуску: сациви, вяленую бастурму, сулугуни и целую охапку зелени.

– Третий прибор тащи, посиди с нами, – пригласил Гуров.

– Кушайте пока, я мясо приготавлию, тогда и посидим, – отозвался хозяин и ушел.

Гуров разлил вино по глиняным стаканам. Для начала он рассказал Станиславу про фотографию Фердыщенко и связанную с ней интригу. И что отношение властей к расследованию будет во многом зависеть от того, был покойный

другом президента или не был. Или заставят носом землю рыть, или прикажут спустить на тормозах. Это придает розыску преступника непредсказуемое направление.

– Боюсь, впереди нам предстоит напряженный и творческий мартышкин труд. Да и самого фигуранта интриги больше нет, – закончил свое повествование Гуров.

– Я в курсе, – поддержал шутку Крячко. – Говорят, он умер.

– Ты не понял, я говорю серьезно. Фердыщенко вообще больше не существует. Тело сожгли.

Крячко поперхнулся вином.

– Иди ты! Правда, что ли?

– Мирский так сказал, – пожал плечами Гуров. – И у меня нет оснований ему не верить.

Крячко покраснел от возмущения.

– Но это же прямое вредительство! Кто разрешил?

– Никто и не спрашивал разрешения. Сожгли, и все. Так что работать придется без тела. А нет тела – нет дела. Выходит, Петр кругом прав. Прилетаем на место, по-быстрому закрываем расследование – и домой.

Крячко отнесся к предложению друга крайне легкомысленно.

– Никаких проблем. Сгоняем туда и обратно, только и делов.

Тут беседу прервало появление хозяина ресторана с блюдом ароматнейшего дымящегося мяса. Сыщики встретили

его с радостным энтузиазмом.

– Присаживайся скорее, – Гуров налил вина Георгию. – Как тебе продукт?

– Вах! – Георгий в знак восторга поцеловал кончики сжатых пальцев. – Честно скажу – нечасто такое мясо встречаю. Да, такую скотину умеют только в Аргентине выращивать.

Гуров снисходительно улыбнулся.

– Вот и не угадал. А скотинка-то наша, отечественная.

Георгий так расстроился, что даже вино пить не стал, стакан на стол поставил.

– Э, слушай, не может такого быть! Я всю жизнь с мясом работаю, могу отличить продукт не глядя, только по одному его запаху.

Крячко вяло кивнул.

– Подумаешь, я тоже могу. Например, тухлое от свежего.

– А я свежее от свежего отличить могу! – горячился Георгий. – Головой отвечаю, это чистая Аргентина! Мраморная говядина, «Черный Ангус».

Гуров успокаивающе похлопал горячего хлопца по плечу.

– Расслабься, Георгий. Мясо наше. Могу сертификат подвезти. Вот, дожили, научились кое-чему. Не токмо лаптем щи хлебаем. Нет, сама скотинка, может, и аргентинской породы, но паслась и забита в нашей Раше. На комбинате «Агронавт».

– Серьезно? – Георгий все еще не мог поверить сказанному.

– Сто пудов.

Хозяин развел руками.

– Ну, Лев Иванович, если бы я тебя не знал или от кого другого услышал, то подумал бы – розыгрыш или провокация. Дай-ка по старой дружбе адресок этого комбината.

Гуров взялся за стакан с вином. Мясо ели молча, закусывали зеленью. Говорить во время поглощения такого блюда было бы кощунством. Если и случались перерывы, то лишь для того, чтобы выпить. Только после окончания еды разговор за столом возобновился.

– Мы с господином полковником Крячко завтра на этот комбинат в командировку летим, – сообщил Гуров хозяину. – Там на месте и обмозгуем, как тебе прямые поставки наладить.

– Вот спасибо, дорогой! – расцвел Георгий. – Да за такое дело вы со Станиславом у меня самыми дорогими гостями будете!

Гуров покачал головой:

– Достаточно, если будешь принимать нас как простых ВИП-персон. Помоги лучше до дому добраться, а то мы тут у тебя немного набрались.

Георгий отправил с сыщиками своего человека, который на машине Гурова развез их по домам и вернулся обратно на такси. От денег категорически отказался. Правда, большая часть мяса осталась ему.

Перед тем как расстаться, Крячко с печалью заметил Гу-

рову:

– Георгий тоже моего отчества не знает. А твое знает.
И, сокрушенный, скрылся в своем подъезде.

Вечером того же дня далеко от Москвы, в Мясникове, городской отдел милиции затаился в тревожном ожидании и тщетной надежде. Как свинарник перед Новым годом – авось пронесет.

Начальник городского отдела полковник Павел Федорович Балашов чувствовал себя женихом на чужой свадьбе. То есть когда морду пока еще бить не начали, но ждать осталось недолго.

Перед полковником сидели задержанные по подозрению в убийстве господина Фердыщенко работники склада № 13 Анатолий Катин и Иннокентий Филимонов. Лучших кандидатов на роли убийц невозможно было бы заполучить даже путем клонирования.

Но при этом полковник Балашов прекрасно понимал, что судьба обоих подозреваемых будет решаться не в его кабинете, не в прокуратуре и даже не в городском суде, а высоко наверху. Так высоко, куда ему, полковнику Балашову, не то что доступ заказан, но и подглядывать запрещено. И если там у них наверху что-то пойдет не так, то козлом отпущения сделают самого Балашова. Поэтому полковник глядел сейчас на арестованных с пониманием и состраданием. Впрочем, им от этого легче не становилось.

– Ну что, душегубцы, сами признаемся в злодейском пре-

ступлении или придется вас уговаривать? – поинтересовался Павел Федорович с добрым ленинским прищуром.

Конечно, добровольное признание, полученное без всякого принуждения, решило бы многие вопросы. Только где ж его возьмешь-то – без принуждения? А с другой стороны, любой дурак знает, что у нас в милиции не бьют. Дилемма, блин! Слово иностранное, по-русски значит – куда ни кинь, все равно не докинешь.

Душегубцы помалкивали и признаваться не торопились. Зачем же выполнять за мента его работу? Они вообще на полковника не реагировали. Типа – комеки. Ну, это те, которые в коме. Может, со страху, а может, просто от огорчения. Потому что не повезло. Оказались не в то время не в том месте, да еще в отягчающем состоянии алкогольного опьянения.

Конечно, взяли их чуть ли не с поличным. Но только «чуть» ни в Москве, ни в Мясникове за доказательство не считается. Любой малограмотный адвокат эту версию разнесет в жидкий пух и щепки. Потому что у следствия не факты, а сплошные предположения.

Следователь городской прокуратуры Светлана Александровна Загорская тоже присутствовала в кабинете Балашова. Несмотря на молодость, она целиком разделяла взгляды старого опера. Когда ее наставник, опытный прокурорский следователь-важняк Вершинский, вдруг неожиданно, в самый неподходящий сезон, ушел в отпуск, а прокурор города

Редько поручил дело об убийстве Фердыщенко именно ей, вчерашней стажерке, она сразу догадалась, что из прокуратуры ее, считай, уже уволили. Поэтому и не переживала особенно. Но, конечно, и не радовалась.

Вот и сидели они все в кабинете Павла Федоровича до нельзя огорченные, каждый со своей бедой. Наконец полковнику это надоело, и он отправил задержанных в камеру. Прессовать их сейчас у него не было ни желания, ни сил. Устал, да и поразмыслить немного не помешало бы. Так сказать, определиться с направлением – куда дальше плыть.

Задержанных увел в камеру прапорщик Дынин. Он служил в должности младшего оперуполномоченного, в отделе выполнял обязанности балашовского адъютанта и водителя. В миру Дынин отзывался на кличку Младший Оборотень.

Балашов ворчал:

– Ты, Светка, девка молодая, красивая. Блондинка опять же. Из следаков выгонят, в любое место устроишься. Хоть в стриптиз, хоть в местную Думу. А вот я старый, неприятный, не блондин и не брюнет. И даже не седой, а просто лысый. Куда тут денешься? Тем более мне прямо сказали – если раскрою дело, то на пенсию генеральскую звезду кинут. Заманчиво. Осталось всего ничего – взять и раскрыть.

Следователь Загорская закурила.

– Смотри, дядь Паша, как бы тебя самого не кинули. Вместе с пенсией. От этого повешенного президентского друга за версту помойкой несет.

Балашов не то закричал, не то заскрипел шарнирами. Ясно было, что страдает он не физически, а морально.

– Ты знаешь, Светка, я иногда отцу твоему завидую, царствие ему небесное. Ведь если бы тогда я справа стоял, а он слева, то его пуля мне бы досталась. И не было бы у меня сейчас этого геморроя.

– Брось ты, дядь Паша, эти суеверия. Отца бы убили, если бы он даже у тебя за спиной стоял. Такая, видно, судьба. Давай лучше думать, как из этой помойки выбираться будем.

Полковник нервно побарабанил пальцами по крышке стола.

– А что тут думать? С нас будут требовать результата. Допустим, убийцы какие-никакие у нас имеются. Теперь мотив. Могли его эти алкаши замочить на почве личной неприязни? Запросто. Хорошо бы нам журналиста этого, Гербера, захомутать. Твой прокурор Редько хочет, чтобы убийцами была только пара алкашей. А друзья убитого из «Ассоциации» и «Агронавта» не прочь прицепить к ним журналиста. То, что он выполнял задание «Союза импортеров», – установленный факт. Но, понятно, задание у него было чисто журналистское. А из него хотят наемного киллера сделать. Курам на смех!

Следователь Загорская взяла лежавшие перед полковником бумаги и полистала.

– Тут написано, что журналист Гербер принес водку со снотворным и напоил сотрудников склада Катина и Фи-

лимонова. Для чего? Получается, для того, чтобы спокойно убить Фердыщенко и спрятать в одной из камер холодильника номер тринадцать его труп?

Балашов криво усмехнулся.

— Ага, а потом устроил диверсию, оставив холодильник без электричества. Благодаря чему, собственно, труп Фердыщенко и был обнаружен. Он что, сумасшедший? Сам прячет, сам же и найти помогает. Нет, цель у него была ясная — обесточить предприятие, чтобы привлечь к нему внимание общественности и официальных органов. Замутить воду и попробовать выудить жареную рыбку. Неучтенку обнаружить, левак, пересортицу. Но уж никак не труп, это и козе понятно. А то ведь, если по такой логике рассуждать, можно договориться до того, что это сам Фердыщенков совершил самоубийство, лишь бы насолить конкурентам из «Союза импортеров». Бред.

— Бред, — согласилась Загорская. — Поэтому Редько и возражает против привлечения журналиста. Но возражает очень тихо, так как губернатора этот бред вполне устраивает. Тот в лепешку готов расшибиться, лишь бы «Ассоциации» угодить. А если телега не пройдет, то отдуваться все равно не ему придется. На нас с тобой и свалит.

Полковник согласился.

— Это верно. Вот было бы здорово захомутать журналиста в ближайшее время. Тогда бы мы отрапортовали и отправили всех троих в область, в управление. Пускай там сами

и разбираются. На готовенькое-то они, как мухи на говно, накинутся. А когда разберутся, уже поздно будет. С нас же взятки гладки. Нам приказали – мы сделали.

Светлана Загорская включила электрический чайник и полезла в шкаф искать заварку. Как бы между прочим, через плечо, она поинтересовалась у Балашова:

– А сам-то ты как думаешь, кто мог Фердыщенкова убить?

Полковник выдвинул ящик стола, достал стаканы. С тоской посмотрел на чайник, плюнул и извлек бутылку водки.

– Я тебе кто, гадалка или Нострадамус какой? Могли, конечно, и алкаши эти, которые у нас в камере сидят. Могли в самом деле и из «Союза импортеров» заказ сделать, но тогда концы искать бесполезно. Еще могли и свои, из «Агронавта» или «Ассоциации» грохнуть. Бабок не поделили или еще что. А может, и того проще. Из-за бабы его, Ксении. Она же у покойного тут вроде походно-полевой жены была. Он ею пользовался, когда из Москвы сюда наезжал. А когда в столицу отбывал, его Клеопатру тут целый табун жеребцов обхаживал. Ревность – версия очень перспективная, – тут Балашов хитро поглядел на следователя Загорскую. – И твой Боря Кудряш из них первый. Мог он Фердыщенкова из ревности завалить? Да легко! Морда бандитская, одно слово.

Следователь Загорская вдруг залилась румянцем, как школьница. Ответила полковнику раздраженно:

– Боря Кудряшов для меня – друг детства, не более. В одном классе вместе учились. В конце концов, в детстве друзей

не выбирают. Ты же не будешь упрекать президента, что он когда-то с Фердыщенкоковым дружил? Мне не наливай.

Полковник Балашов грустно хмыкнул, накатил себе в гра-
ненный стакан граммов восемьдесят и убрал бутылку. Потом
взял стакан и одним привычным движением опрокинул его
в глотку. Понюхал рукав кителя, посидел, сморщившись, по-
том положил в рот кофейное зернышко и разгрыз. Снова
сморщился. Пожевал и заговорил:

– Знаешь, Светка, есть такой анекдот. Исторический. Ко-
гда Петр Первый верстал свой первый государственный бюд-
жет, то на содержание сыщиков не выделил ни копейки.
Сказал только: «Эта сволочь сама себя прокормит». Это он
про нас, значит. Вот так с тех пор и крутимся. И надеять-
ся мне не на кого. Так что если для получения генераль-
ской звезды мне нужно будет найти в темной комнате черную
кошку, я ее найду. Даже если ее там нет и никогда не было.

В коридоре послышался шум.

* * *

Водворив задержанных душегубов в камеру, прапорщик
Дынин по кличке Младший Оборотень столкнулся в кори-
доре отдела со своим другом капитаном Пыжовым. Капитан
был старшим оперуполномоченным и носил соответственно
кличку Старший Оборотень. Капитан Пыжов только что вва-
лился прямо с улицы, с него мокрыми ключьями обвалива-

лись комья талого снега.

– Нашли журналиста, – прохрипел он.

Дынин посмотрел на друга с удивлением.

– Ты что, верхом на лошади прискакал?

– Почти. Верхом на велосипеде, – ответил капитан и приказал: – Поднимай ОМОН, пэпээсников и всех, кто свободен. Особо опасного бандюка брать будем.

И затопал мокрыми сапожищами в направлении полковничьего кабинета. В дверь к Балашову он вперся без стука и с порога объявил:

– Журналиста нашего на Ближних Выселках засекли. Учитель местный его в школе прячет под видом сторожа. Грамотей, сука! Они меня из этой школы в восьмом классе выгнали! Я велел Дынину группу захвата поднимать. Хорошо бы ОМОН подключить.

Полковник Балашов рассмеялся.

– Да, Светка, вот времена пришли! Раньше, помню, мы с твоим батькой вдвоем, в снегу по пояс, ночью Панкрата Лысого на хуторе вязали. У нас даже пистолетов с собой не было. В то время их выдавали только по особым случаям, раз в год на плановые стрельбы. А у Панкрата, между прочим, по оперативной информации обрез имелся.

– Ну и как, повязали? – ехидно подбоченился Старший Оборотень.

Для него рассказы Балашова были чем-то вроде легенд и мифов Древней Греции. Павел Федорович не обиделся

и принял интерес подчиненного за чистую монету.

– А то как же?! В лучшем виде. Спал он, красавец. Так ужрался, что даже не пошевелинулся. Пришлось его для верности поленом по голове вырубить, а потом уже брючными ремнями вязать. Наручников-то нам в то время тоже не полагалось. И никаких ОМОНов. Сами. И обратно по снегу своими ручками-ножками его тащили.

По коридору забухали тяжелые башмаки. Там формировалась и строилась группа захвата. В дверь кабинета Балашова, запыхавшись, влетели двое молодых прыщавых сотрудников, Митин и Викторов. Звали их соответственно Митей и Витей. Оба были похожи как братья, только Витя был в очках, а Митя с усиками.

Имелось у них и другое прозвище – «студенты», хотя с осени оба получили по две лейтенантские звездочки и числились в штате полноценными оперуполномоченными уголовного розыска.

– Все в сборе! – доложили «студенты». – Едем брать?

– Тьфу, мать вашу! – выругался полковник. – Сколько же вас собралось на одного журналиста?

– Так ведь он под видом сторожа прячется, вдруг у него ружье? К тому же он не один. Там еще школьный учитель, – напомнил Пыжов. – Возможно, они – сообщники.

– А школьной уборщицы у них в сообщниках нет? А то, пожалуй, бронетехнику вызывать придется. Справитесь?

Пыжов блудливо поводил глазами по полу.

– Видите ли, Пал Федорыч, тут расчет простой. Дело это не рядовое, громкое. Конечно, можно его и по-тихому вести. Но наверху нас, – он ткнул пальцем в потолок, – не поймут. Спросят – почему это вы такой ерундой так долго занимались? А если брать преступника с шумом и пылью, то никаких проблем. Все в курсе – мы работаем.

Полковник Балашов выругался, но определенный резон в словах подчиненного все же отметил и вынужден был с ним согласиться.

– Ладно, забирай под ружье всех дармоедов. Хорошо, если этот твой учитель пение преподает или арифметику. А если начальную военную подготовку или, скажем, физкультуру? С таким вы без спецназа никак не справитесь.

Довольный капитан скрылся за дверью. Следователь Загорская посмотрела на полковника с удивлением. Но тот отвернулся, снова ухватился за спасительную бутылку, налил себе очередную порцию и махнул залпом. Закусывать не стал.

* * *

На захват особо опасного преступника полковник Балашов, понятное дело, сам не поехал. Он назначил старшим капитана Пыжова, а для контроля отправил с ним своего водителя-адъютанта прапорщика Дынина. Отдел уголовного розыска был представлен «студентами» – Витей и Митей.

Небольшая колонна машин – милицейский «уазик», автобус с ОМОНОм и новенький «Мерседес» капитана Пыжова – остановилась на небольшой площади между школой, платным туалетом и складом стеклотары. Бойцы выгрузились из автобуса и бегом распределились вокруг объекта.

Капитан Пыжов подтянулся последним – он оставил свою машину в укромном проулке, возле склада стеклотары. Если вдруг до стрельбы дойдет, чтобы случайно не поцарапали. Он окинул взглядом растянувшуюся цепочку автоматчиков и выругался:

– Вы, мать вашу, чем тут занимаетесь?

– Дык, школу оцепили... – несколько растерянно пояснил крайний из бойцов.

– Что вы оцепили? Вон школа! – Капитан ткнул пальцем в сторону темного кособокого строения по соседству. – А это – сортир платный! Дыня, бестолочь, ты же должен помнить, ты ведь тоже здесь учился. Причем два года в третьем классе.

Дынин озадаченно почесал затылок.

– Во, блин! Так это когда было? Я подумал, что это новую школу построили.

И в самом деле, здание платного туалета светилось богатством и огнями рекламы. В отличие от него покосившаяся старая развалюха-школа тонула во мраке. Она и размерами значительно уступала своему монументальному соседу.

Капитан Пыжов быстро перестроил вверенные ему силы

в соответствии с новой диспозицией.

– Только бы он не ушел, пока вы тут топтались, – забеспокоился он. – Начинаем.

Дынин вцепился другу в плечо.

– Дай мне порулить!

Пыжов немного подумал и снисходительно махнул рукой.

– Валяй!

Прапорщик Дынин с важностью выступил вперед и заорал в темноту:

– Эй, сторож, мы знаем, где ты прячешься! Выходи, козел! Хуже будет!

Со стороны школы ответом ему было лишь гробовое молчание. Зато откуда-то сзади, со стороны забора, за которым размещался склад стеклотары, послышался густой мужественный бас. Таким разговаривают ковбои в американских вестернах.

Первые слова были совершенно неприличными. Так даже ковбои не ругаются. Говорят, подобными выражениями владели только царь Петр Первый, граф Алексей Толстой и поэт Сергей Есенин. За непечатной тирадой из мрака последовал законный вопрос:

– А сам-то ты кто такой? Колись, сука, а то стрельну!

– Я тебе, козел, сейчас так стрельну! – пообещал Дынин и начал разворачиваться. Делал он это медленно и величественно.

– А это тебе за козла! – сообщил неизвестный и выстре-

лил. Подлю, в спину.

Спина прапорщика Дынина была надежно укрыта бронезином. Но ниже – бушлат и галифе не в счет – он был незащищен как младенец. Пущенный врагом заряд достиг его трепещущей плоти. Дынин рухнул как подкошенный. В ту же секунду на незадачливого стрелка обрушился шквал автоматного огня. До милиционеров донесся дробный топот. Враг отступал, укрытый бетонным забором. Бегство сопровождалось грохотом бьющейся стеклотары.

– Отставить стрельбу!

Пыжов склонился над павшим другом. Тот лежал на животе, задом кверху, в пожелтевшем от собачьей и человеческой мочи сугробе.

– Сильно тебя зацепило?

– Да... Кажется, позвоночник задело... Жжет, – еле слышно прошептал подстреленный прапорщик.

Капитан осторожно приподнял подол прапорщикова бушлата. Его внимание привлекли застрявшие в ткани блестящие мелкие осколки. Скорее даже кристаллы.

Пыжов рассмотрел один из осколков на свет, покрутил, понюхал, потом, не будучи брезгливым, осторожно попробовал на язык.

– Ну, что там? – стонал Дынин. – Чем он меня – картечью или жаканом?

– Сольцой тебе гузно намяли!

– В смысле?

– В прямом. Это же был сторож со склада стеклотары. Он тебе заряд соли в очко засадил. Наверное, с перепоя пальнул. Обидел ты его сильно.

Пыжов обернулся к «студентам»:

– Эй, орлы, проверьте место, откуда он стрелял.

Оба, пригнувшись, перебежками достигли складского забора и по сложенным ящикам перебрались через него. Они вернулись через несколько минут.

– Стрелок ушел. Оставил гильзу от гладкоствольного охотничьего ружья, – доложил Витя.

– И кальсоны обосранные, – добавил Митя. – Похоже, сбросил, когда убегал. Испугался, когда наши по нему из автоматов шарахнули.

Дынин, услышав, что ранен не свинцом, а солью, немного оживился и даже напустился на разведчиков:

– Где улика? Почему не принесли?

– Какая улика? – удивились «студенты». – Кальсоны с дерьмом?

– Гильзу почему не принесли?

Но тут вмешался капитан Пыжов:

– Ну, ты даешь! Ты что, собрался гильзу к делу подшить? Тогда и задницу свою подшей. Вместе с солью. Посмешищем хочешь стать? Наплюй и забудь, мент с раной! Давай, Дыня, соберись! Подумаешь, жопу посолили!

Дынин, кряхтя, поднялся. Бойцы тем временем снова взяли школу в кольцо. «Студенты» бестолково толкались тут же

и всем мешали. Витя зачем-то таскал с собой снайперскую винтовку, Митя держал мегафон, с которым определенно не знал, что делать.

– Дай сюда! – Прапорщик преодолел боль, со сдержанным стоном протянул руку и твердо сжал рукоять мегафона.

– Как этого урода журналиста зовут? – спросил он.

– Игорем, кажется. Игорь Гербер, – отозвался Митя.

Дынин продул микрофон. Убедился, что прибор работает.

– Игорь Гербер! Игорь Гербер, сдавайся!

– Ты себя Черномырдиным вообразил, а его Шамилем Ба-саевым? – осклабился Пыжов. – Пришли-ка мне матюгаль-ник.

И загремел на всю площадь:

– Гражданин Гербер, вы окружены. Сопротивление бесполезно. Выходите и сдавайтесь, иначе откроем огонь! Считаю до трех! Р-р-раз!

Дверь школы распахнулась. На крыльцо осторожно выбрался лысый тип средних лет. Он размахивал белым полотенцем. Это был школьный учитель. Судя по комплекции, преподавал он явно не физкультуру.

– Не стреляйте, не надо! Я же только что окна вставил! – закричал лысый. – Сейчас он выйдет!

И в самом деле, вслед за ним на крыльце появился длинноволосый парень в темной куртке. Он тоже поднял руки и медленно стал спускаться по разохшимся деревянным ступенькам школы.

Его тут же окружили омоновцы. Держались они на расстоянии, не спуская стволов с объекта.

– Вы Игорь Гербер? – уточнил старший.

– Да.

– Оружие имеете?

– Нет, откуда...

– А ну на пол! На пол, я сказал!

Старший вдруг как с цепи сорвался.

Подножкой он сбил пленного на землю и принялся окучивать пинками. Тут и подчиненные в масках забросили автоматы за спину, подскочили и принялись усердно помогать своему командиру. От этого занятия их отвлекли сирены и мелькание проблесковых маячков и стробоскопов.

– Кончай разминку, прокурор едет! – рявкнул Пыжов.

Омоновцы перестали футболивать задержанного и помогли ему подняться на ноги, даже отряхнули.

Из сверкающего черного лимузина вылез прокурор Редько. За ним толпой повалили журналисты. По глазам милиционеров ударили вспышки фотоаппаратов.

Прокурор определенно рассчитывал на триумф, но был сильно разочарован. Он долго и растерянно осматривал поле битвы.

– И чем вы тут занимаетесь?

Обращался он вроде бы не к кому-то конкретному, но Пыжов решительно шагнул вперед.

– Мы вот тут, значит, захватили...

– Кого?

– Его...

Прокурор обвел взглядом стройную шеренгу бравых чудо-богатырей с автоматами, тесно обступивших щуплую фигурку пленника.

– И все?

– А кого еще? – оторопел Пыжов. – Может, учителя за компанию прихватить?

Прокурор сокрушенно покачал головой:

– Какие же вы идиоты! А уроки в школе ты, что ли, проводишь будешь?

Он повернулся, хлопнул дверью машины и укатил. Вместе с ним убрались и не менее разочарованные представители прессы.

Группа захвата вместе с задержанным начала грузиться по машинам. И тут капитана Пыжова чуть не хватил удар. Он спрятал свой «Мерседес» в проулке, возле складского забора, чтобы уберечь от пуль, которые, возможно, могли прилететь со стороны школы, если бы журналист начал отстреливаться. Но кто же мог предвидеть героическую выходку сторожа стекольного склада?

И когда тот торопливо сбрасывал замаранные от неожиданности подштанники и убегал от возмездия, омовские автоматчики щедро полили очередями все живое и неживое, что таилось в том направлении. По закону подлости большая часть пуль досталась ни в чем не повинному «Мерседесу».

Капитан Пыжов имел большой жизненный опыт. Первое, что пришло ему в голову, когда он увидел останки своего автомобиля, была мысль: «Восстановлению не подлежит».

В отдел он вернулся, сидя за рулем милицейского «бобика». Тем более что штатный водитель, Дынин, не умел рулить стоя. А сидеть прапорщик теперь не смог бы даже по приговору Верховного суда.

* * *

Команда капитана Пыжова вернулась в отдел не то чтобы с триумфом, но с осознанием выполненного долга. Дело сделали, поставленную задачу успешно решили. Полковник Балашов удовлетворенно потирал руки.

– Так, пакуем журналиста в свободную камеру, а завтра с утра допросим всех троих, проведем очные ставки и отправим в область. Пусть там с ними и разбираются, – распорядился он.

Дынин и Пыжов вышли на улицу покурить.

– Что делать-то будем? – вполголоса спросил Дынин у капитана.

Тот пожал плечами:

– А что тут сделаешь? Убирать надо всех троих по-любому. Вот по дороге в область и перехватим. Только подумать надо хорошенько. Попытка к бегству не проканает. Не поверят, что всех троих замочили. Лучше нападение на конвой

устроить. Я предложу Федорычу, чтобы он в сопровождение этих молодых охламонов отправил Митю и Витю. Их не жалко. Они меня уже задолбали своей детской простотой. Хоть под ногами вертеться не будут. Так что завтра все и провернем.

– А мне пацанов жалко, – зевнул Дынин и почесал травмированное место.

– И что? Может, ты их и мочить не хочешь? – удивился Пыжов.

– Не хочу, – тяжело вздохнул прапорщик. – Но придется. Драма жизни, блин!

Дынин щелчком запустил окурок вверх, и тот красным метеором пронесся по ночному небу. Прапорщик покрутил головой и недовольно поморщился.

– И чем это так воняет? Вроде портянками.

– Какой-нибудь придурок старые сапоги из окна выбросил. Ладно, пошли к полкану.

Как только за оборотнями закрылась дверь, из тени показалась странная фигура. Судя по одежде, это был милиционер. Форма сидела на нем мешком, да и сам он был какой-то нескладный. Носки его сапог загибались вверх, как турецкие туфли. Нескладный милиционер внимательно поглядел вслед ушедшим, шмыгнул носом, утер сопли рукавом кителя и снова скрылся в ночной темноте.

Когда Пыжов и Дынин вернулись в кабинет начальника, тот, судя по розовым щекам, уже успел отпраздновать успех

своих подчиненных.

– Ну вот, теперь и московскую шишку не стыдно встретить, – радостно сообщил полковник. – Кстати, когда он прилетает-то?

Младший Оборотень Дынин снял трубку телефона и принялся названивать в справочную местного аэропорта. Пользоваться Интернетом он до сих пор так и не научился.

Полковник с довольным видом прохаживался по кабинету.

– Пыжов, надо встретить гостя. У тебя в отделе тачка самая представительная.

– Была, – грустно вздохнул капитан.

– Что с ней стряслось?

– Погибла при задержании журналиста. Придется новую покупать.

Полковник Балашов нахмурился. Он хорошо знал капитана Пыжова и отчетливо представлял, как и за счет каких резервов он будет покупать новый «Мерседес». Сейчас только этого и не хватало.

Гуров и Крячко летели в город Мясников спецрейсом. Салон самолета «Як-40», в котором они разместились, был рассчитан на восемнадцать посадочных мест. Вариант, средний между экономическим классом и классом повышенной комфортности. В старые времена Гурову приходилось летать на таких же самолетах, где кресел было напихано вдвое больше.

В самолете сыщики заняли соседние места. Они сделали вид, что только познакомились. Тут же распили бутылку коньяка за знакомство и мягкую посадку. При этом разговаривали громко, не стесняясь других пассажиров и персонала. Безудержно хвастались, сыпали именами и фамилиями очень известных людей, бизнесменов и политиков, называя их исключительно в уменьшительной форме – Володя, Игорек и так далее. Короче говоря, изображали подвыпивших самовлюбленных и чванливых москвичей, которые в упор не желают замечать соседей-провинциалов.

На самом же деле сыщики внимательно изучали группу представителей мясниковской элиты. Собственно, спецрейс и был организован для того, чтобы руководство «Агронавта» и городские власти смогли проститься с незабвенным товарищем – господином Фердыщенко.

Мясниковцы расположились в передней части самолета

и держались особняком. Гуров уже видел их на панихиде по Фердыщенко, кроме того, сыщики перед вылетом успели ознакомиться с их фотографиями и краткими досье. Но, как говорят людоеды, бумаги бумагами, а живой человек — совсем другое дело.

Некоторые из присутствующих были заочно представлены Гурову господином Мирским. Все они по той или иной причине общались с Фердыщенковым при его жизни, поэтому удостоились особого внимания сыщиков.

Первым в списке важных персон числился мэр города Мясникова Эдуард Ковалев. Человек средних лет, скромно одетый. Из демократов. На должности мэра он показал себя хорошим хозяйственником, в политику не совался, да и вообще вел себя скромно. Вот и тут, в самолете, он сидел и спокойно беседовал с соседом.

Собеседником градоначальника был директор агрокомбината Анатолий Семенович Зайцын. Когда-то он служил в областной тюрьме замполитом, но впоследствии сменил и взгляды, и работу. Даже со стороны было заметно, кто из этих двоих является более влиятельным человеком. Комбинат «Агронавт» обеспечивал существование не только города Мясникова, но и практически всей области. Поэтому и поза, и жесты, и мимика господина директора изобличали в нем большого начальника, хорошо знающего себе цену. Директор говорил, а мэр слушал и кивал.

С другой стороны прохода вальяжно развалился в кресле

и потягивал виски из квадратного стакана Борис Александрович Кудряшов. Вопреки своей бандитской кличке – Кудряш – волосы его были коротко стрижены и торчали ежиком. По информации сыщиков, Кудряш имел не одну ходку на зону. После освобождения организовал банду, которая позже превратилась в частное охранное предприятие «Ягуар».

Во время последних выборов казаки-разбойники Кудряша обеспечивали охрану будущего губернатора Комиссарова и оказывали силовое давление на его соперников. После победы Комиссарова Кудряш возглавил общественный совет по борьбе с преступностью.

Сейчас он не спускал глаз с эффектной блондинки, сидевшей через два ряда от него. Ксения Мартыновна Пахомова успела заслужить прозвище «дважды вдова». Ее покойный муж, Климент Аркадьевич, был первым директором «Агронавта». После его смерти на вдову положил глаз столичный благодетель – господин Фердыщенко. И Ксения охотно стала его «походно-полевой женой». И вот – снова облом. На агрокомбинате она занимала должность директора по связям с общественностью, но чувствовала, что способна на большее.

Ксения Мартыновна весело болтала со жгучим брюнетом. Звали его Георгием Авериным, он исполнял функции представителя «Ассоциации» на комбинате. Впрочем, должность была чисто формальная. Все связи между «Ассоциацией отечественных производителей» и «Агронавтом» находились

в руках господина Фердыщенко.

Аверин не сомневался, что Гуров летит в город Мясников для того, чтобы лишить его теплого местечка. Он нервничал, изящно курил тонкую длинную сигару и старался вести себя нарочито оживленно. Прямо-таки вызывающе. И чем веселее выглядели Ксения и Аверин, тем больше мрачнел Кудряш.

Наконец он поднялся и, не выпуская стакана из рук, двинулся по проходу между креслами в хвост самолета. Проходя мимо Аверина, Кудряш опрокинул стакан и оросил шевелюру представителя «Ассоциации» остатками скотча. Аверин слегка побледнел и застыл ни жив ни мертв.

– Борис, что ты себе позволяешь?! – вспыхнула Ксения.

– Да пошла ты, сука гребаная! – мягко рыгнул Кудряш и продолжил путь.

Когда он поравнялся с креслом Гурова, тот незаметно выставил ногу в проход. Кудряш зацепился и, в попытке удержать равновесие, выронил стакан. Он был не просто удивлен. От изумления он едва не обратился в соляной столб и устоялся на Гурова.

– Ты... что? – Он даже забыл сопроводить вопрос привычным оскорбительным эпитетом в адрес собеседника.

Гуров смерил его ледяным взглядом.

– Немедленно извинитесь перед женщиной, – твердо произнес он.

Кудряш попытался что-то прохрипеть:

– Ты... я... Да ты знаешь, кто я?

– Допустим, не знаю. А что это меняет? – спросил Гуров.

В некоторых ситуациях Кудряш предпочитал объяснениям язык жестов. Сейчас был как раз такой случай.

– Пошли со мной, узнаешь, – предложил он.

Гуров пожал плечами, поднялся с кресла и последовал за Кудряшом в хвост салона. Здесь они остановились. Кудряш задернул занавеску и повернулся к полковнику.

– А сейчас ты узнаешь, кто я.

Свое обещание он сопровождал неожиданным апперкотом в живот оппоненту. Апперкот вышел так себе, на троечку с плюсом. Гуров напряг мышцы пресса и легко спружинил удар. Куда больше труда он затратил на то, чтобы удержаться от ответного удара. Наоборот, полковник сделал вид, что потрясен до глубины души и тела и что удар согнул его пополам.

Это не мешало Гурову краем глаза контролировать поведение противника. Он, конечно, приготовился разыгрывать комедию, но только до определенных пределов. Пропустить пару ударов – это ладно. Но терять здоровье и получать увечья или хотя бы травмы сыщик не собирался.

Впрочем, до этого не дошло. Занесенный для нового удара кулак Кудряша вдруг замер в воздухе, а лицо его исказила гримаса боли. Позади бандита возникла фигура полковника Крячко. Он перехватил руку бандита и слегка сжал в запястье. Иногда Станислав для развлечения пальцами колот

грецкие орехи. Кудряш охнул.

– Иди и сядь на место, – небрежно бросил ему Крячко. – Еще раз при мне залупнешься, вошь блатная, я тебе голыми руками матку наизнанку выверну.

При этом он смотрел на криминального авторитета с доброй улыбкой, а хватку сжимал все крепче. Кудряш и во все побледнел. Отчетливо захрустела кость, видимо, лучевая. Она не слишком толстая, и сломать ее, при некоторых навыках, не составляет труда.

– Скажи: дядя, прости засранца, – попросил Крячко.

– Дядя, прости засранца, – простонал Кудряш.

Ему было очень больно.

– Пошел на хер, и чтобы до приземления я тебя не видел и не слышал, – Крячко разжал свои железные пальцы.

Присмиревший Кудряш, пошатываясь, послушно отправился на свое место. Он бормотал под нос что-то невнятное, то ли извинялся, то ли ругался. Гуров и Станислав спокойно вернулись на свои места.

Мясниковская элита и без того не спускала с москвичей настороженных глаз. С одной стороны, посланник «Ассоциации» летел именно к ним. Но выглядел он так неприступно, что они просто не могли придумать, как к нему подступиться. К тому же мешало то, что волею случая он оказался в компании милицейского начальника.

– Говорил я, надо было из наших ментов кого-нибудь взять, – шипел мэру директор. – Сейчас бы обоих обработа-

ли. А так – не знаешь, с какого боку подъехать.

Выход, как всегда, нашла женщина. У них с интуицией дело обстоит куда лучше, чем у мужиков. Увидев позорное отступление Кудряша и победное возвращение москвичей, она небрежно подсела к Гурову и томно проворковала:

– Спасибо, вы настоящий мужчина. Так вы и есть тот столичный начальник из «Ассоциации», которого все так боятся?

Гуров, продолжая играть взятую на себя роль столичного хлыща, самодовольно ухмыльнулся.

– Вы преувеличиваете. Что же во мне такого страшного? Я ведь не кусаюсь. И не царапаюсь, – добавил он, посмотрев на Кудряша.

Ксения перехватила его взгляд.

– Не обращайтесь внимания. Боря просто немного ревнует и к тому же боится летать. Потому и нервничает. А вообще-то он у нас смирный. – И представилась: – Меня зовут Ксения.

– Дуров, – кивнул Гуров. – Лев Дуров.

Она всплеснула руками:

– Ой, прямо как артист!

На это и рассчитывали сыщики, когда выправляли Гурову документы прикрытия. Даже до далекого Мясникова могла докатиться слава о великом сыщике Льве Гурове. Так что новая фамилия должна была выполнять двойную задачу: не сильно отличаться от настоящей, но ничем ее не напоми-

нать. И вот результат. Идея, кажется, сработала.

Из двери показалась стюардесса.

– Прошу всех занять свои места и пристегнуть ремни. Самолет идет на посадку.

На прощание Гуров обменялся с «походно-полевой вдовой» многообещающими взглядами.

Приземление прошло благополучно. При выходе из самолета Гуров и Крячко тепло простились, как это принято у только что познакомившихся людей, и пообещали друг другу непременно встретиться, как только устроятся. Ехать им предстояло в одну и ту же гостиницу.

– Хорошо бы забить соседние люксы с общим балконом. А если не получится, приходи в мой люкс помыться, – предложил Станислав.

Прямо на летное поле выкатил блестящий «шестисотый» «Мерседес». Крячко кивнул другу:

– Это, наверное, за мной. Ну, до встречи.

Но оказалось, что встречают не его. Директор «Агронавта» набрался наконец смелости и обратился к Гурову:

– Господин Дуров? Извините, что не представился раньше. Не хотел беспокоить. Позвольте вас проводить. Прошу в машину.

И увлек сыщика к представительскому «Мерседесу». С ними отбыла блондинка Ксения. Крячко поставил чемодан на землю и полез за сигаретами. В этот момент на поле выехало не менее шикарное авто – темно-зеленый «Ягуар».

«Ну вот. Теперь это точно за мной, – решил Крячко. – Да, неплохо живет местная милиция».

Но, оказалось, что машина предназначалась для хозяи-

на охранного предприятия «Ягуар». Кудряш небрежной походкой направился к автомобилю, выгнал водителя, сам сел на его место и укатил в вихре пыли.

Остальным, в том числе и мэру, пришлось покинуть территорию аэродрома на своих двоих. Выйдя за проходную, Крячко увидел милицейский «уазик». Возле него стоял полковник милиции. Станислав не смог бы сравниться в интуиции с Ксенией, но тут уже безошибочно догадался, что это его вариант. Он подошел к полковнику и спросил:

– Не меня ждете? Я полковник Крячко.

Встречающий автоматически козырнул:

– Полковник Балашов. Прошу в машину.

И сам сел за руль. Встретив удивленный взгляд Станислава, полковник пробормотал:

– У нас было сложное задержание. По тому делу, в связи с которым вы приехали. Пострадал водитель. Так что вот самому приходится. И машины тоже побили... Так что извините, чем богаты.

Со стороны было заметно, что его коробит от произносимых оправданий, но и не внести ясность он не мог. Вдруг московский гость решит, что его не уважают?

– Нет проблем, – как можно дружелюбнее произнес Крячко. – Дело понятное. Сейчас куда, в гостиницу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.